

В нашей жизни всё было, и всё повторяется

Уральские археологи открывают полевой сезон

Лия ГИНЦЕЛЬ

У археологов грядет полевой сезон. Романтическое время поисков свидетельств прошедших эпох. Предвкушение удачи, надежда на счастливый билетик, перспективы будущих открытий... В сегодняшнем интервью на наши вопросы отвечает доктор исторических наук, профессор кафедры истории России УрГУ, руководитель археологической практики студентов первого курса, главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, начальник Среднеуральского отряда археолого-этнографической экспедиции Александр ШОРИН.

— Александр Фёдорович, куда едете нынче?

— Будем работать в Ильменском заповеднике, на побережье озера Большое Мисосово. Недавно там открыли серию археологических памятников разных эпох. В том числе поселения, содержащие культурные слои эпохи позднего неолита и бронзового века. Представляете, четыре-две тысячи лет до нашей эры... Но остатки поселений — это ещё не всё. Предварительный анализ показывает, что, вероятно, мы сможем найти могильники эпохи бронзы. А могильники в нашей горнолыжной зоне — большая редкость. В силу особенностей погребальных обрядов финно-угорской языковой группы (коренного уральского населения) в земле хоронили только самых важных (одинаково со знаком плюс или минус) особ. Для основ-

ной массы существовали иные способы — на деревьях (в дуплах или просто на ветках) или в воде.

— Интересно, какие инструменты должны быть под рукой у археолога?

— Прежде всего, лопаты. Копаем, конечно, не так, как в огороде. Археологи используют метод горизонтальной зачистки, осторожно снимая землю слоями в один-два сантиметра. Если удаётся что-то обнаружить, то координаты артефакта заносятся на раскопкарту. А извлекается находка просто руками. Каменные изделия и глиняные черепки обладают хорошей прочностью. Хрупкие же предметы изымаются вместе с землёй. Впоследствии устанавливается возраст экспоната и его роль в жизни коллектива. К слову, раньше возраст определялся в пределах тысячелетия. Современные технологии позволяют делать это с точностью до нескольких лет.

— Человеку не искушённому кажется, наверное, что самое привлекательное в археологии — найти клад. Случалось?

— Клады попадают не часто. Ведь желание что-то спрятать появляется лишь в случае приближающейся опасности и нежелании делиться ценностями. В ранних эпохах, при коллективной собственности на средства производства и распределение продукта, накопить богатство не представлялось возможным. Да и военных столкновений было мало — отбирать того нечего. С появлением бронзы всё изменилось. Бронза стала крайне ценным предметом. Так

Кокшаровский холм, 2013 год. Святилище эпохи неолита. Процесс раскопок

что, клад — не клад, но серебряные находки попадались, особенно в неразграбленных могильниках. Впрочем, гораздо чаще на такие вещицы люди натываются случайно. Помню, два мужика, решившие весело провести время, устроились на берегу озера, как раз там, где вода подмыла берег. Сели и обнаружили, что забыли стакан. Нашли в земле какой-то полый предмет. Попользовались им. А потом вспомнили, что рядом работают археологи. Принесли нам. Оказалось, это кельт — топор бронзового века.

— Какую из своих находок считаете наиболее ценной?

— Трудно сказать. Золото тоже находил. Но уже давно ценностью артефакта определяется для меня возможностью извлечь из него информацию. Вот мы двадцать

лет раскапывали Кокшаровский холм под Верхней Салдой. Огромное рукотворное сооружение трёх с половиной метров высотой, аналог современного храма. Далекие предки оставили здесь подношение. Если рождальский мальчик — лук со стрелами, если девочка — украшения или пряслице для веретена. Мы нашли там серию стержней с насечками. Ничего вроде особенного. Но, может быть, эти насечки стали бранными для счёта подарков и ответных «отдарков»? Что косвенно свидетельствует: общество достигло определённого благополучия. Подобные стержни находили на юго-востоке Турции. Правда, там они относятся к девятую-десятому тысячелетию до нашей эры, а у нас — к четвёртому. Правильно, богатство шло с юга. Но общества,

хотя и разные, развивались по единым историческим законам. Утверждать, что всё обстоит именно так, никто не может. Археологи практически не пользуются письменными источниками. Помогают лишь опыт и интуиция.

— Каков шанс сделать открытие?

— Если речь вести о легендарной золотой бабе, якобы спрятанной народом манси, никакого. Но археологических памятников много. Только в Свердловской области их около двух тысяч. И постоянно обнаруживаются новые. В девятые, например, строили дорогу в районе Палкино-Северка, обнаружили древнее поселение. То же произошло с кольцевой автодорогой возле Шувакиши.

— Многолетнее знание археологией повлияло на

Кокшаровский холм. Ритуальные сосуды с тотемными изображениями

Профессор Александр Шорин: «Сейчас возраст артефакта научились определять с точностью до нескольких десятков лет»

ваше представление о мире? Много ли прошлого в настоящем?

— Всё было, и всё повторяется. Отличается лишь степень технологического обеспечения. Человеку в любые времена нужна была пища, одежда, жильё... Даже крестьянин на шее сегодня — это вчерашний обитатель берега от злых сил. Приступая к раскопкам у Кокшаровского холма (1998 год), мы из озорства поставили там деревянного идола. Сначала в шутку, потом почти всерьёз стали жертвовать ему монетки, желать добра на зиму. И местное население прониклось к нашему детищу настоящим уважением. Охотники тоже стали заносить сюда монеты с сигаретами. И никто за прошедшие годы не посмел поднять на идола руку.

Уральские учёные пока не видят пользы от реформы

Валентина СМЕРНОВА

В сентябре прошлого года Госдума РФ приняла закон о реформировании Российской академии наук (РАН), вызвавший ещё на стадии проекта возражения у многих учёных. О том, как идёт реформа в Уральском отделении РАН, «ОГ» расспросила заместителя председателя отделения по научно-организационной работе, член-корреспондент РАН Николай МУШНИКОВ.

— К моменту принятия закона о реформе в обществе сложилось мнение, что научные институты занимают не нужными для большинства граждан фундаментальными исследованиями. Вы с этим согласны?

— Одна из причин реформирования, действительно, заключается в том, что РАН недостаточно активно демонстрирует достижения своих сотрудников, в том числе, в СМИ. Хотя по всем показателям Академия была и есть самой эффективной научной организацией в стране. Мне довелось работать в течение двух лет в Японии, в крупном институте, занимающемся фундаментальными исследованиями в области физики твёрдого тела. Там регулярно проводят День открытых дверей для домохозяйек и студентов. Весь институт старается достойно показать каждому посетителю свои изобретения. Налогоплательщики должны быть уверены, что государство не зря тратит деньги на фундаментальную науку. Практическая польза от таких вложений должна быть понятна каждому.

— Как вы оцениваете предвзятые результаты реформирования?

— Пока мы не видим никаких положительных изменений. Для управления научными институтами организована дополнительная структура — Федеральное агентство научных органи-

заций России (ФАНО), но сегодня вместо 900, как прописано в законе, в её штате состоит всего около 300 сотрудников. Пока они смогли только организовать базовое бюджетное финансирование институтов страны. Управление гигантским имуществом комплексом объединённой РАН — очень непростая задача, на решение которой в новом агентстве потребуются много времени. На Урале формируется территориальное отделение ФАНО. При этом научно-методическое руководство институтами остаётся за РАН. Понятно, что такая «двухглавая» структура не позволяет оперативно решать научно-организационные проблемы. Простой пример: наши научные сотрудники придумали, как можно сделать более ударопрочными и морозоустойчивыми сплавы и стали для ледоколов и подводных лодок. Но если они придут с этой идеей в ЦНИИ конструкторских материалов «Прометей», который является головным разработчиком новых материалов для судов, с ними не будут разговаривать без наличия образцов таких сталей. Раньше УрО РАН само имело возможность финансировать фундаментальные разработки до создания первого образца и передачи его научно-производственным объединениям, которые берут на себя уже финансирование опытно-конструкторских работ. Теперь такой возможности нет. Любую разработку мы можем только рекомендовать ФАНО. А там ещё не создан механизм, который позволил бы дополнительно финансировать приоритетные направления.

— Институтам приходится сворачивать часть научных исследований?

— Всё, что касается плановых научных работ, выполняется в полном объёме. Взаимоотношения с промышленными предприятиями у нас также на достаточ-

но хорошем уровне. В последние годы УрО РАН заключило около 40 соглашений с наукоемкими предприятиями и научно-производственными объединениями, в том числе с Федеральным ядерным центром в Снежинске, ОАО «Авиадвигатель» в Перми, ВНИИ авиационных материалов в Москве. А в нашем регионе — с УГМК, Уралвагонзаводом, НПО Автоматики и другими. И по этим соглашениям идёт реальная работа. Например, инновационное предприятие «Уралинтех» в сотрудничестве с учёными Института высокотемпературной электрохимии УрО РАН налаживает производство специальной керамики для электрохимических генераторов, которые вырабатывают электроэнергию непосредственно из природного газа без его сжигания. Коэффициент полезного действия такой системы — до 90 процентов, а у тепловых электростанций — около 35 процентов. И линии электропередач в ряде случаев оказываются ненужными. Эти высокие технологии могут стать базой для распределённой энергетики будущего. А для ОКБ «Новатор», производящего оборонную технику, в Институте электрофизики разработана не имеющая аналогов в мире теплозащитная керамика, позволяющая значительно увеличить скорость полёта специальных изделий.

Но вот система конкурсной поддержки фундаментальных и прикладных исследований заторможена. Учёные-эксперты определяют степень новизны и актуальности проектов своих коллег, а экспертиза практически важных разработок проходит с участием специалистов из организаций-партнёров. Итоги конкурса обычно подводим в декабре. В январе-феврале следующего года из отделения в институты перечисляются средства на выполнение работ. А в этом году отобран-

ные нами проекты финансирует ФАНО. Первые перечисления пришли только вчера — как раз по причине удлиннения бюрократической цепочки. Сотрудникам приходится приобретать материалы и ездить в командировки за свой счёт, либо пересматривать план работ по проекту.

— А освобождение от хозяйственных дел принесло какие-нибудь позитивные перемены?

— Здесь тоже возник ряд серьёзных проблем. В частности, во времена Советского Союза УрО РАН были выделены участки под строительство академгородка в районе Краснолесья-УНЦ. Но денег для этого не выделили. С несколькими строительными компаниями заключили инвестдоговоры, в соответствии с которыми часть построенного на этих землях жилья должны получить учёные. В ближайшее время застройщики передадут нам около 200 квартир, но мы не можем их распределить. Институты принадлежат ФАНО, а оно пока не готово принять это жильё. Территориальное отделение в Екатеринбурге ещё не сформировано, хотя руководителем ФАНО Михаил Котюков, будучи в Екатеринбурге в конце января, обещал это сделать в самое ближайшее время. В УрО РАН прошло очень сильное сокращение аппарата президиума. Предполагалось, что многие сотрудники перейдут на работу в новую структуру, но все специалисты были уволены. Очень жаль, что пришлось ликвидировать редакционно-издательский отдел, занимающийся подготовкой книг и монографий для всех институтов отделения. Для него тоже нет места в новой структуре. Каждый институт будет вынужден сам решать эти вопросы. Возможно, что часть проблем связана с неопределённостью переходного периода, и их удаётся преодолеть.

На детский отдых потратим миллиард

Лариса ХАЙДАРШИНА

Этим летом в Свердловской области организуют отдых 330 тысяч 112 детей. Школьники будут отдыхать в пришкольных, загородных, санаторных и палаточных лагерях, поедут третья в Анапу и Крым. Число загородных лагерей впервые за последние годы не уменьшилось, а наоборот — увеличилось. С 72 до 73.

— На организацию детского отдыха в 2014 году на Среднем Урале направлено более миллиарда рублей, — сообщил вчера журналистам Сергей Карсканов, начальник отдела министерства общего и профессионального образования Свердловской области. — Благодаря этому смогут весело, интересно и с пользой отдохнуть около 80 процентов школьников региона.

Путёвки за 20 процентов от стоимости в управлении образования на местах (в среднем 2 500 рублей) в загородные лагеря в большинстве муниципалитетов раздали за пару недель — такой был большой спрос. Однако кое-где их можно получить до сих пор. К примеру, в Каменске-Уральском вчера всем желающим выдавали неосторожно выданные путёвки на первую смену. Немало — 134 штуки. Педагоги говорят, что подобная ситуация — с неосторожными местами в лагерях — в течение

44 тысячи ребят отдохнут в загородных лагерях, 122 тысячи — в лагерях дневного пребывания, 20 257 поедут в санатории, а ещё детей примут 11 палаточных городков

Аптеку № 418 оштрафовали

Арбитражный суд Свердловской области удовлетворил иск областного министерства здравоохранения к Екатеринбургской аптеке № 418 и привлек её к административной ответственности в виде штрафа в 40 тысяч рублей.

В ходе проверки в аптеке обнаружены многочисленные нарушения правил хранения и производства лекарственных препаратов. Не соблюдался температурный режим, отсутствовала светозащита, были проблемы с выполнением санитарных норм. Лекарство, приобретённое в этой аптеке, в феврале привело к трагедии в Областной детской клинической больнице № 1, тогда пострадало трое детей. Одного ребёнка спасти не удалось.

Руководство аптеки № 418 уверяет, что все нарушения устранены.

Лия ГИНЦЕЛЬ

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ

«Сейчас наш аэроклуб на грани вымирания»

На публикацию под рубрикой «Этот день в истории области», посвящённую открытию при областном Доме обороны ОСОАВИАХИМ аэроклуба («ОГ» от 23 апреля 2014 года), откликнулся наш читатель Александр ФУРМАН, который на протяжении 20 лет (с 1970 по 1990 год) возглавлял Свердловский аэроклуб.

«Для начала хочу добавить некоторые факты к заметке, помещённой в «Областной газете». Предшественниками аэроклуба в Свердловске были многочисленные авиакружки, которые начали создаваться ещё в начале 20-х годов прошлого века, а в конце 20-х — начале 30-х годов стали появляться планерные станции. И ещё: болгарский политэмигрант Афанасий Афанасьев, возглавлявший клуб в 30-е годы, действительно, как пишет «ОГ», стал после войны министром гражданской авиации Болгарии, но перед этим ему пришлось пережить в 1937 году арест и несколько лет лагерей как «врагу народа»...

Ну и главное — история последних десятилетий нашего клуба, которая не отражена в заметке. В 1991 году, после распада СССР, Министерство обороны перестало заключать договоры с ДОСААФ, структурой которого являлся наш аэроклуб, на подготовку призывников. С тех пор клуб пытается зарабатывать деньги самостоятельно, проводя платную подготовку лётчиков и парашютистов. Скрепя сердце мы пошли на это, так как тут же поменялся контингент — ведь это любители экстрима, среди которых настоящих фанатов неба единицы. А самое важное — заработанных денег не стало хватать на ремонт техники, поэтому аэроклуб начал постепенно сокращать штаты, а самолёты стали ветшать. Лишь в 2008 году, когда наш аэродром в посёлке Логиново посетил тогдашний губернатор области Эдуард Россель и пообещал деньги на ремонт техники, мы воспряли духом. Но Россель оставил пост губернатора...

Сейчас у нас осталось собственный аэродром (то самый — в Логиново), но действующих самолётов всего три (Ан-2), а пять самолётов (в том числе Як-52) ещё можно отремонтировать, но на это нет средств.

После 1990 года, когда я перестал руководить Свердловским аэроклубом, эту должность занимали многие, но ситуация как была, так и остаётся критической. Сейчас ушёл с поста руководителя Александр Прокопьев, а новый ещё не назначен. Но кто бы ни возглавил наш клуб, в первую очередь он столкнётся с тем, что клуб — на грани вымирания и нуждается в помощи».